
**ПУБЛИЦИСТИКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА**

**ГРАЖДАНСКИЕ СТРУНЫ
ИГОРЯ ЛУКЬЯНОВА**

С сожалением наблюдаю, как в современной отечественной поэзии — от одной стихотворной публикации к другой, от сборника к сборнику — падает градус гражданственности, накал принадлежности автора к тем или иным мировоззренческим взглядам, внимания к общественной жизни, к проблемам своей страны.

Старые поэты, утверждавшие в творчестве глубину своих устремлений и идеалов, уходят, молодые же гражданственности, как правило, чужаются и нередко смотрят на неё как бы свысока. Некрасовское «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» для многих из них — не более чем одно из нравоучений, надоедливых нотаций, которые опостытели ещё со школьной скамьи.

В этом смысле новая книга Игоря Лукьянова «Вечная быль» очень радует. Сын военного летчика времен Великой Отечественной, автор хорошо помнит, кто он и чей:

*Я впишусь в любые повороты,
Скорость рассчитаю
один в один.
Ведь во мне с рожденья
кровь пилота,
В сорок пятом
бравшего Берлин.*

Оглядываясь в прошлое, поэт с благодарностью вспоминает и тех, кто, возвратившись с войны, давал уроки чести и совести только-только вступающим в жизнь:

*Благодарю судьбу
за юность,
Где, далеко не старики,
Гражданские будили струны
Учителя-фронтовики.*

Совесь для Игоря Лукьянова не только важное нравственное понятие, но и «божий дар», который кого-то может спасти, а кому-то просто неведом. Таков же для него и дар добра, который тоже «от Бога, а не мудрости законов».

Поэт понимает, что «ни Данте, ни Шекспир, ни Пушкин, ни Есенин не изменили мир», что зло продолжает творить свои черные дела. Но он снова и снова обличает

«воров и скоморохов», у которых «честность — не в чести», «обладателей вилл и дворцов», ничего не стоящих «перед бездомьем до смерти есенинским, перед хибарой, где кончил Рубцов», и тех, «кто предает из-за «тельца» Россию».

Хорошо известно, что рядом с совестью всегда идет чувство вины — даже если человек ни в чем не виноват. Об этом когда-то хорошо сказал Твардовский: «...и все же, все же, все же...» Особенно отчетливо видится это чувство вот в этих строчках рецензируемой книги:

*Поэты —
Сыновья
Отцов Победы.
И славы,
И таланта
Разный груз.
Но всем нам
общим памятником будет
предательством
разрушенный Союз.*

При этом автор книги не делит Россию на белых и красных: «примирили года». Для него она, Россия, делится по другой черте: кто-то по эту, а кто-то «по ту сторону русской души, по ту сторону русского сердца».

Не люблю смешения жанров в одной книге, но вынужден признать, что небольшой прозаический раздел «Вечной были» хорошо вписывается в общую тональность издания. В центре мыслей Игоря Лукьянова о религиозно-православном сборнике «Алтари Победы», его заметок о поэтах фронтового поколения, воспоминаний о литературных учителях Владимире Гордейчеве и Геннадии Луткове — патриотизм, государственность, гражданственность. По мнению Лукьянова, «без этих качеств — нет настоящей поэзии».

*Евгений Новичихин,
поэт, член Союза писателей России,
г. Воронеж*

Владимир Трусов

(г. Мончегорск Мурманской области)

«ПО СВОЕМУ ДЫШАТЬ...»

(о новых именах в поэзии Русского Севера)

С тем, что «каждый пишет, как он дышит...» едва ли кто-то возьмется спорить. Другое дело — обретение и даже осознание этого самого «дыхания», даже если изначально оно даровано свыше. И дальнейшее умение не сбиться с избранного ритма, не утратить глубину вдоха и откровенность, искренность выдоха, в угоду мимолетным, но столь порой заманчивым, корыстям и модным веяниям, той же скороспелой популярности. А ведь подобное не столь уж редко происходит, иногда почти спонтанно, исподволь, уж больно притягательны и безусловно приятны успех у публики, аплодисменты, медийная известность, премии и звания, и, как следствие, желание автора соответствовать достигнутому «уровню», попросту нравиться всем и каждому раз за разом... Но вот когда «от радости в зобу дыханье сперло», обычно все и заканчивается, и нет уже, глядишь, самобытного автора, одна сплошная «...мать-эстрада в книжной лавке Смирдина», не имеющая с истинным творчеством ничего общего. К чему это я веду, спрашивается? А к тому, господа мои, что относительная трудность сразу заявить о себе во всеулышание частенько и помогает провинциальным авторам получить некоторую, если угодно, «прививку от популярности», выпестовав в себе свое собственное дыхание, свой особенный голос, свой неповторимый почерк и стиль, и главное — ответственность за созданные произведения, основанную на глубоком понимании того, а зачем он, поэт или прозаик, все это пишет?

Литература и в частности поэзия Русского Севера всегда отличалась самобытностью, глубиной и не показушной, а истинной силой, идущей от самой земли, от корней, от многих и многих поколений предков, эту землю освоивших и живших на ней в трудах и борениях. И вместе с тем — разнообразием, ибо даже географически Русский Север — понятие весьма обширное: Кольское Заполярье, Карелия, Вологодчина, Архангельская земля... Я вовсе не собираюсь грешить какими бы то ни было классификациями, прежде всего территориальными, напротив, хочу подчеркнуть, что жизни человеческой и творческой огромные расстояния не помеха, и общность интересов и нравственных установок стирают возможные границы, помогают одолевать любые препоны. Примеров тому сколько угодно: рожденный в архангельском селе Николай Рубцов, призванный на военную службу, проходит ее на Северном флоте, далее учится в нашем Кировском горно-химическом техникуме, а затем уже вплоть до трагической своей кончины живет и творит в Вологодских краях. Также архангельская девушка Ольга Фокина по окончании литинститута приезжает жить и работать в Вологду, где и ныне здравствует, став замечательной, ярчайшей русской поэтессой. И опять-таки мезенский помор из старинной деревни Семжа Виталий Маслов связывает свою жизнь с Мурманском, где создает неповторимые романы и становится зачинателем государственно-церковного праздника — Дней славянской письменности и культуры. А сколько литераторов, уроженцев иных российских кра-

ев и областей, связало, пусть даже на время, свою жизнь и судьбу с высокими широтами, создав здесь свои первые значительные произведения! (Да тот же совершенно изумительный и неповторимый Юрий Казаков! Или несгибаемый никакими испытаниями, неугасимый в своем даровании Николай Тряпкин!). Повторяю, подобным примерам несть числа, потенциал северных литераторов не иссякает, прирастая молодыми дарованиями и новыми именами. Понятно, что рассказывать сразу обо всех невозможно, поэтому...

На фоне признанных мастеров поэтического слова Архангельской земли, таких, как Александр Логинов, Елена Кузьмина, Ольга Корзова, Галина Рудакова, Елена Галимова, Александр Росков (к глубокому прискорбию уже покинувший этот мир) совершенно не затерялась, но выросла, окрепла и уже очень весомо заявила о себе Ирина Кемакова из села Кречетово, что расположено на юге Архангельской области, в Каргопольском районе, на границе с Вологодскими землями. (Кстати по соседству, менее чем в ста километрах, в старинном, чудесном, Каргополе бытуют уже упоминавшийся Александр Логинов, родившийся, к слову, у нас в Мончегорске, и прекрасный прозаик Александр Киров. Впору бы вычислить количество литераторов на единицу площади!). Это самая, что ни на есть, русская северная глубинка, корневой и стержневой край для многих поколений русских людей, и разошедшихся по белу свету, и оставшихся, подобно Ирине, верными малой своей родине. Она родилась в северной деревушке Медведево на том же Каргополье. В три года дедушка научил ее читать. С той поры книга постоянный спутник в жизни Ирины, она даже мечтала одно время стать библиотекарем. Но закончила педагогическое училище, затем Поморский государственный университет... и возвратилась к истокам, в милые сердцу края.

*Тишина во дворе и палящий полуденный зной.
Разогретые доски крыльца. В палисаднике вишни.
Поле в мареве зыбком и светлый березник стеной —
Дорогие для сердца картины из жизни давнишней.*

*Улетала из дома — призывно журавль поманил
И растаял бесследно в огне лучезарной денницы.
На чужой стороне потекли неприметные дни.
Чтоб не так тосковалось, давно прикормила синицу.*

*Днем не вспомнишь о доме, а в ночь — как с войны инвалид:
Поработал бы всласть, только где там! Обидно — нет мочи.
...Наконец соберешься — и старенький «ПАЗик» пылит
По грунтовке, а сердце от радости выпрыгнуть хочет.*

*Промелькнет в голове, что вернулась в положенный срок,
Что душа не подвержена пошлой усушке-утруске.
Погостишь — и назад. Мать харчей соберет в узелок
И в слезах на прощание вслед перекрестит по-русски.*

Стихотворения Ирины Кемаковой, по своей основной профессии — учителя русского языка и литературы, очень органичны, и уже одной только лексикой способны привлекать и завораживать. Автор порой использует слова северного диалекта, впрочем не злоупотребляя ими, но придавая стихотворным строкам искреннюю теплоту и неповторимый, истинно народный колорит:

*Все — от мала и до велика —
Называли Настасью тетой*.
Хоть казалась старуха тихой,
Но кипела в руках работа.*

*Ей любое дело посильно —
А мала, худа, вся в морщинах.
Говорила: «Да я двужильна,
Покрепчай любого мужчины.*

*Не смотрите, что я старуха!»
А с замужеством не сложилось,
Прожила всю жизнь вековухой
И с чужими детьми водилась.*

*Поначалу нянчила брата,
А потом — его деток и внуков.
«Я на внуков порат** богата», —
Говорила другим старухам...*

Такие стихи не могут быть искусственно (пусть даже искусно) «сколоченными», вымученными, насильственно притянутыми к теме. Только бесконечная любовь и неиссякаемое душевное тепло могут быть движущей силой поэта, создающего подобное. Казалось бы на первый взгляд ничего особенного, но почему-то слезы на глаза наворачиваются от истории жизни простой русской женщины, труженицы, отдавшей без остатка душу свою и сердце родным и близким людям. В этом и состоит особенная ценность поэзии Ирины Кемаковой, она пишет о том, с чем связана кровными узами, она очень хорошо знает, что и как сказать, оттого и стихи ее не надуманы, они от родной земли и от людей, на этой земле живущих. В 2015 году в Архангельске в издательстве «Люция» вышла книга стихов Ирины Кемаковой «Вот так и жить», были публикации в районной и областной прессе, в журналах «Двина», «Иван да Марья», «Лава», альманахе «Брусника», коллективном сборнике «Поклонимся великим тем годам». Осенью прошлого года поэтесса стала кандидатом в члены Союза писателей России. По словам Ирины: «Первые стихи о ромашках и шмелях написала в детстве. Потом, как многие, писала в юности, но надолго забросила сочинительство. Вернулась к литературному творчеству уже в зрелом возрасте...». И это ничуть ей не повредило, напротив, по-моему, очень даже помогло, ибо сформировалось поэтическое направление, да и сама поэтесса вызрела, обрела убедительность и ту необходимую однозначность, что исключает пустые постмодернистские «красивости» и абсолютна лишена авторского самолюбования. Да, можно сказать, что творчество Ирины Кемаковой тяготеет к традиционной «тихой лирике», но в том-то и есть его главная ценность! Писать таким образом весьма непросто и только истинным поэтам это под силу — после потрясающих стихотворений Рубцова, Фокиной, Соколова, Передреева, суметь отыскать свое слово и сказать так, как никто до тебя не говорил.

*Катится луна головкой сыра
На горбушку черного зарода.*

---

* Тета (диал., север.) — тетья.

** Порат (-о) (диал., север.) — очень

*Ночь тиха, но холодно и сыро,
Густо тянет прелью с огорода.*

*Звезды до утра сверкают остро
Над колючей щеткой чернотала,
Над ручьем, от палых листьев пестрым.
Спит земля, раскинувшись устало.*

*Распростерлась, темная, немая,
В родинках стогов, в еловых гребнях
И морщинах тропок,— ей до мая
Отдохнуть теперь настало время:*

*Труд окончен, сделано немало.
Зимы здесь, на Севере, суровы —
Бережно парчовым покрывалом
Землю уберет Господь к Покрову.*

Ирина Кемакова — негромкий, но очень чистый и убедительный голос родного края, соединила в своей жизни две благородные стези: сельской учительницы и русского поэта. Нелегкая доля, но зато не довлеет над ней ироничный и горький приговор Анатолия Передреева «...и города из нас не получилось, и навсегда утрачено село». Я уверен, что выбор Ирины вполне сознателен и оправдан, и в дальнейшем все у нее получится и сложится должным образом. Она ведь сама сказала: — Вот так и жить... Правильно жить, не беспамятно, но благодарно, ощущая за собой поддержку ушедших поколений своих пращуров, чьим радением и досталась тебе эта земля. Вопроса с лирическим героем или, правильнее говоря, героиней, для Ирины очевидно не возникало вовсе... Она возникла спонтанно, однако не из ниоткуда, она — настоящих крестьянских кровей, несущая в себе лучшие черты русского трудового сельского жителя, любящего свою землю без внешнего надрыва, но так мощно и глубоко, что никому не дано исковеркать и уничтожить сие светлое чувство. Оттого-то и речь ее настолько поэтична, легка и невымученна.

*По крестьянской привычке до света встаю,
Обряжаюсь в охотку. Без иучьих велений
В печке с треском веселым займутся поленья,
Старый кот запоем у шестка на краю.*

*Как говаривал дед, у хозяйки худой
До обеда дымок из трубы не струится.
Над сервантом на фото любимые лица:
В темной кофте бабуся, мой деда седой.*

*В этот час предрассветный особую связь
Ощущаю с крестьянской своей родословной
У огня русской печки и без суесловий —
Со времен стародавних, без устали длясь,*

*Эта связь не прервется, хоть годы пройдут.
То, как дратва, груба, то ажурна, как прошива, —*

*Это связь поколений грядущих и прошлых
С настоящим — и счастье, что я в том ряду.*

*Это счастье, что в доме есть русская печь.
Даже солнцу сквозь стекла в морозных узорах
У тепла ее греться совсем незазорно.
Дров подкину. Суббота. Блины время печь.*

Наверное не стоит рассуждать о правомочности деления поэтических стилей или даже школ на, скажем, «почвенную» и «городскую» и какие-либо еще. Важно то, что при всей относительности и условности любых делений, упомянутые все-таки есть, что, впрочем, вполне естественно, ведь разнятся приемы и способы раскрытия тех или иных тем, да и сами творческие направления имеют свои приоритеты и провозглашенные цели. Однако же индивидуальность любого творца всегда подчеркивает условность любых делений и классификаций, и внутри одного направления двух одинаковых художников едва ли найдешь. Ярким примером этому является творчество моего коллеги по Мурманской областной организации СПР, мурманского поэта и прозаика, Ильи Виноградова. Горожанин по рождению, ежедневному месту пребывания и по роду занятий (Илья — журналист, корреспондент информационного агентства ИТАР-ТАСС, окончивший физмат Мурманского педагогического университета и экономический факультет Академии управления и экономики в Санкт-Петербурге), Виноградов очень часто выступает как поэт — аналитик, точно формулирующий волнующие его вопросы и честно, непредвзято, пытающийся найти на них ответы, стремящийся докопаться до самой бытийной человеческой сути.

*Неба покрывало,
Простыня земли,
Город спит усталый,
Приобняв залив.*

*Сопки, как подушки,
Брошены кругом —
Пышные подружки,
На одной — мой дом.
.....
.....
.....*

*Восхожу степенно —
Бок у сопки крут! —
Клавиши ступеней
Под ногой поют.
.....*

*Мне привычна с детства
Лестничная круть —
Никуда не деться.
Некуда свернуть:*

*Все низины топкие,
Выстужен залив...
Жизнь — сплошные сопки,
Дальше — край земли.*

Примечательно, что Илья Виноградов в начале своего творческого пути был отмечен как прозаик, и первая его книга, увидевшая свет в 2011 г. — сборник рассказов «Невидимые диктаторы». Интересная, кстати, получилась книга, неоднозначная, с неожиданными фантазмагорическими сюжетными поворотами,— сказывалось при страстие автора к поэзии. Он и тогда всюду писал стихи, но так уж вышло, что поэзия накатывала «вторым темпом», впрочем, вполне оформившейся и зрелой.

*Осень. Полночь. Нервы на пределе.
Далеко еще до первой зорьки.
Из какой темницы прилетели
Стаи мыслей, сумрачных и горьких?*

*Крик без слов, вопросы без ответа,
Чуть задремлешь — растрясут, разбудят:
Вдруг не встречу больше я рассвета?
Вдруг рассвета над землей не будет?*

*То ли ветер воет, то ли выти.
Дам полцарства за рассвета каплю!
Но куда ночь до дна не выпил,
Тонешь, к тьме прикован, точно к камню.*

*Мыслей яд опасней яда кобры,
Сердце замерло курком на взводе...
Говорят, лишь искренним и добрым
Черных мыслей ночью не приходит.*

Поэтическое творчество Ильи Виноградова не раз отмечено на престижных литературных форумах, таких, как Всероссийский межвузовский — «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева, Международный Каверинский конкурс, областная литературная премия им. К. Баева — А. Подстаницкого. Суховатый и даже несколько педантичный стиль поэтической аналитики для Виноградова не единственный, он может быть и тонким лириком, сохраняя и в лирических стихотворениях некую философскую ноту.

*В заботах пролетают будни,
Расписанные по минутам:
Любовь так радостно и трудно
Беречь и ограждать уютom.*

*Но память — неземная сила —
Нашепчет, что еще недавно
Любовь защиты не просила,
А ограждений и подавно.*

.....

*Ты сегодня смеялась во сне.
Я в ответ улыбался полночи:
Так светло в темноте было мне,
Словно смех этот счастье пророчил.*

*Пусть полгода снега за окном,
До весны не хватает лишь малости:
Чтоб не только во сне, но и днем
Беззаботно, как в детстве, смеялась ты.*

Журналистская хватка Ильи не может не сказываться на его творчестве, и поэтому во вторую его книгу «Сокровища бедных» вошли не только стихи и рассказы, но и путевые заметки о поездке в Индию. А в 2016 году в Петербурге был издан новый стихотворный сборник Виноградова «Русский ген печали». Он по хорошему тематически эклектичный, причем разнонаправленность, как ни странно, создает ощущение гармоничности и закономерности поэтических пристрастий автора, человека вдумчивого, не склонного к пустой крикливости, стремящегося соотносить присутствие сиюминутного и вечного в повседневной жизни, уже во многом определившегося с поэтической стилистикой и эстетикой. Такой вот он «горожанин», Илья Виноградов, не суетливый и основательный, и в поэзии, и в жизни.

*Отплакала капель.
Прошла пора лихая,
Когда и сквозь асфальт
Цветы спешат на свет.
Алеет лета плод,
Под солнцем набухая,
И клонит к сентябрю
Тугую года ветвь.*

*Мне по душе шагать,
Изгибаю речки вторя,
Далек ли будет путь —
Я не грущу о том,
Пока хватает сил
С судьбой до хрипа спорить
И разума, чтоб ей
Довериться потом.*

*Пока приметен Бог
В парящей птичьей стае,
В цепи случайных встреч,
В тиши предгрозовой —
Я прошлого листы
С тоскою не листаю:
Мол, лучшее прошло,
И больше стороной.*

*Сгорит в багряном день,
Утонет в черном вечер,
И вызреет рассвет
В ночи на самом дне.
Как верный шанс того,
Что даже смерть не вечна,
Что наша жизнь — лишь день
Из вереницы дней.*

Наряду с любыми направленческими «подразделениями», вполне естественно и логично, если художник, проводящий большую часть своего времени в городском ландшафте, творчески ориентирован и на пейзажную лирику, и на сюжеты деревенской жизни. (Можно долго и с пристрастием разбираться, чем же сие обусловлено, но такой анализ лежит за рамками данной статьи.) И в поэзии мурманской поэтессы, также моей коллеги по Союзу писателей России, Екатерины Яковлевой присутствуют яркие тому подтверждения. Для Екатерины вполне естественно такое обращение к родной земле, к своим корням, истокам. Оттого и стихи ее столь свободны и открытвенны.

*Уродился Гриня дураком.
Кирзачи надел на босы ноги,
Ходит по деревне с батогом,
Словно странник по большой дороге.*

*То поет, кривляется, как шут,
То заплачет, в рукава сморкаясь,
Пожалеют мужики, нальют,
Из бутыли, если что осталось...*

*Порвана рубаха на плече,
И соседи выгнали за двери.
Кто ему, бедняге, и зачем
Этот путь бессмысленный отмерил?*

*Муча сухарем беззубый рот,
Он пойдет походкой воробьиной...
Вновь детей безжалостный народ
Забросает окна его глиной.*

*Жалобно наморщено лицо,
Волосы нечесанные в сене...
Он вздохнет и сядет на крыльцо,
И гармонь поставит на колени.*

.....

*Он в минуту эту не один,
Будто кто с небес его приметил...
Эх ты Гриня, Гриня, божий сын,
И тебе есть музыка на свете.*

Творческую уверенность Екатерина обрела уже довольно давно, ее путь в поэзии складывается вполне удачно, она автор двух стихотворных сборников — «Неба неземное притяжение» и «Дай мне целое», вышедших в Мурманске соответственно в 2003 и 2015 г.г.; причем обе книги отмечены премиями, первая — областной им. К. Баева и А. Подстаницкого, вторая — всероссийской им. А. Дельвига. Стихотворения Яковлевой публиковались и в «Литературной газете», в журналах «Наш современник», «Север», «Иностранная литература и искусство» (Китай) и другой литературной периодике. Она также лауреат Всероссийского форума «Осиянное слово» им. Н. С. Гу-

милева и конкурса «Неопалимая купина» им. Е. Курдакова, участница первого двустороннего форума молодых писателей Китая и России, проходившего в 2015 г., и Шанхайской писательской программы 2016 г. Как видите, достижений хватает, но ведь не ради титулов и званий написаны, например, вот такие строки:

*Пролистали последние главы
Года старого, заперли дверь.
Ради нашей с тобою забавы
Лишена жизни юная ель.
Поутру разбредаются гости,
Свечи слепнут, допито вино.
Только ветер зашелся от злости,
Горсти снега швыряя в окно.
Мы же чуда не ждали, не так ли?
Не признаюсь, и ты промолчи...
Мы с тобой в этом глупом спектакле
Так бездарно сыграли в ночи!
Осыпается темная хвоя,
Отгорел фейерверков пожар...
От глухого предчувствия горя
Бьется вдребезги елочный шар...*

Лирика Екатерины Яковлевой, конечно, не замыкается лишь на пейзажных или сельских сюжетах, напротив, она разнообразна, своеобразна и насыщена мощной энергетикой, зачастую скрытой или даже не намеренно сдерживаемой самой творческой манерой, поэтическим почерком автора. И то сказать, совершенно не обязательно стремиться писать всегда «на разрыв аорты», а сердечный подтекст ведь никто не отменял.

*За тщету прошлой жизни отныне дано
За сплетьем чернеющих веток — окно...
В нем живой, ровный свет, различимый едва,
Так пронзительно прост, как молитвы слова.
Мнится мне: все, что будет и было давно-
Сон и морок, а подлинно — только окно,
Где проросший сквозь тьму, свет явил благодать...
Не оспорить его никому, не отнять.*

При всей сдержанности и поэтическом такте Екатерина — человек тонкий, остро чувствующий, отсюда и глубина душевных переживаний, определяемая волнующими ее жизненными коллизиями, и отношение к слову, внимательное и бережное, вследствие чего и глубоко личные мотивы в стихотворениях близки и понятны читателю.

*От меня дорогою — мир измерь,
И в самой дороге ищи отраду.
Я тебя прошу: ты отныне верь,
Безоглядно верь и дождю, и саду.
Верь деревьям. Каждому верь листу!
Голос ветра радостен и негромок.*

*Верь большой реке, и над ней — мосту.
И тому, что шепчет во сне ребенок.
Но не верь, что стрелки моих часов,
Обездвиженных, погруженных в кому,
Вдруг разбудит гул не твоих шагов,
Разносящийся по пустому дому.
И не верь, что песню твою другой
Пропоет, коверкая и фальшивя,
И тому, что я унесу с собой
На губах остывших чужое имя.*

И все-таки Яковлева — коренная Кольская северянка, родившаяся в г. Заполярный, окончившая в 2009 г. Мурманский гуманитарный институт, психолог по специальности, прекрасно поэтически раскрывается прежде всего, как мне кажется, в таких вот стихах:

*Вечер тянет бабу Надю
Сесть за пяльцы в уголке,
Вышивает баба гладью
Клевер на льняном платке.
Вспоминает: в сорок пятом,
За извилистой рекой
Собирали с младшим братом
Клевер красный луговой.
Слаще он всего на свете!
Огоньком горит в руках!
И свистит-гуляет ветер
В детских, впалых животах...
Развалился — эх, предатель! —
Тусок с прогнившим дном.
И догнал их председатель,
По лопаткам бил кнутом...
Тот трилистник незабвенный —
Цветом крови на платке.
Снится бабе: немец пленный
Клевер варит в котелке.*

Творчество Екатерины Яковлевой — яркий пример симбиоза поэтических школ и направлений, от такой универсальности стихи ее только выигрывают, завоевывая широкую читательскую аудиторию. И мне остается лишь искренне пожелать ей удачи на этом пути, дабы суметь все-таки определить для себя некую главную «директрису поэтической стрельбы», что, впрочем, неизбежно произойдет при условии настойчивой работы талантливой поэтессы над собой и своими произведениями.

Мои молодые коллеги занимают достойное место в ряду поэтов Кольского края, и главное — свое собственное место, являясь достойными продолжателями поэтических традиций, заложенных в свое время Владимиром Смирновым, Виктором Тимофеевым, Владимиром Семеновым, Борисом Романовым, Александром Милановым, и далее — Николаем Кольчевым, Дмитрием Коржовым, Александром Рыжовым и другими яркими мастерами поэтического русского слова. Замечу лишь, что Илье и Екатерине еще предстоит окончательно определиться с лирическими своими героями, придав их образам и внутреннему содержанию окончательную четкость и наполненность.

В одной статье обо всем, происходящем в поэзии Русского Севера, не расскажешь, и о всех достойных ее представителях не поведаешь. Надеюсь, что открыв данную тему на страницах журнала, мы и в дальнейшем продолжим знакомить читателей с творчеством северян. В моем повествовании я старался максимально подчеркнуть достоинства представляемых поэтов, их лучшие творческие качества, и во все не стремился «цепляться» к недостаткам. Да, таковые можно обнаружить при желании, все ведь люди, все человеки, но и критике все же есть свое время и свое место. А сейчас рассуждать, например, о хромающих иногда метрике и ритмике стиха, о не всегда оправданных инверсиях, не вполне точных метафорах, а порой и довольно спорных образах и сравнениях, или еще о чем-либо подобном, право не стоит. Технические недочеты и даже художественные ошибки вполне поправимы, и непременно устранятся в процессе дальнейшего творческого роста героев данного повествования. А в том, что лучшие стихи у Ирины Кемаковой, Ильи Виноградова и Екатерины Яковлевой еще впереди, сомневаться, по крайней мере на сегодня, не приходится.

Борис Рябухин
(г. Москва)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНИТАРИЗМА

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Материал на странице АРЛ в Фэйсбуке разместил **Евгений Скоблов**

Уважаемые друзья!
Вашему вниманию предлагается рецензия члена СП России, члена Академии российской литературы Бориса Рябухина на книгу члена Академии российской литературы АЛЕКСЕЯ ЯШИНА «ЗАТО МЫ ДЕЛАЛИ РАКЕТЫ: ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ» (М., Московский Парнас, 2015)..
Алексей Афанасьевич ЯШИН — известный советский, российский писатель-прозаик, член Правления АРЛ, главный редактор литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула).

*****

Это произведение цикла, названного автором «рассказами Николая Андреевича» (например, как «Повести Белкина» Александра Пушкина?), повествующего на этот раз о жизни нашей страны в 70—80-е годы, «в обширном тогда ареале инженерной среды», написано в аннотации новой книги Алексея Яшина. Профессиональный роман об инженерах самой «золотой» советской поры? Опять на авансцену выходят трудяги — инженеры и потомственные работяги — мастеровые (вот оно, вечное будущее), объясняет автор предисловия. Ничего не устарело — опять спохватились, что рабочих рук-то у страны не хватает, специалистов выпускать перестали. А кто работать будет, тем более в будущем. Вот и актуальность книги вырисовывается.

Но я хочу сказать о другом.

Считаю, что мне посчастливилось встретить за свою жизнь уже второго ученого из международной Академии Тринитаризма. Первый — мой сокурсник, Александр Валентинович Дринков, пришел ко мне в 1990 году в «Литературную газету» за помощью, в попытке возмутить спокойствие физиков пространственной моделью усовершенствованной им таблицы Менделеева. У него на сайте этой академии уников четыре работы. Одна называется «Числа фибоначчи и взаимосвязь атомной и ядерной классификации». Рецензию на его работы я опубликовал в хиреющем журнале «Знак вопроса?» общества «Знания» под названием «Путь физики в никуда». И не дали ему выступить в РАН о своем открытии. Похоронили, закопали. Вот о чем половица: «Не закопай свой талант в землю».

Второй академик Тринитаризма свой талант в землю не закопал. Это писатель Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор журнала «Приокские зори». Он прислал недавно мне для рецензии свою книгу «Зато мы делаем ракеты: воспоминание о будущем». У него на сайте Академии Тринитаризма пять статей, одна из них называется: «Феноменология Ноосферы. Память или воспоминание о будущем». Для чего я выбрал это совпадение в названии произведений? Да потому, что это — главная часть портрета автора — раз, и считаю, что все, что человек может создать на земле, — содержится в его генетической памяти.

Интересно, как разнится язык писателя и язык ученого в тексте об одной и той же теме. В аннотации книги скромно написано: «своеобразный, самобытный язык автора». Но автор с высокообразованным чувством иронии мог придумать свой язык пациентов из палаты № 306, наподобие чеховской «Палаты номер шесть», или как, например, Свифт для великого сумасшедшего рыцаря Дон Кихота, или как Михаил Зощенко для совдеповского мещанства, или как Платонов, покоривший меня уже одним названием рассказа — «Мусорный ветер», дремучий, непробиваемый сознание язык первобытных партийцев «Чевенгура». Неправильно это явление называют Эзоповским языком.

Приведу для сравнения по явлению из Платонова и Яшина.

Из романа Яшина: «Девушки и молодые замужние женщины до тридцати, но с крепкими бюстами, снимали даже лифчики. Мужчины, в свою очередь, волновали нестарых замужних женщин волосатостью рук и торсов под полужастегнутыми халатами».

Из романа «Чевенгур» Платонова: «Пиюся заиграл марш, где чувствовалось полковое движение: песен одиночества и вальсы он не уважал и совестился их играть. Дванову досталось первым целовать всех женщин: при поцелуях он открывал рот и зажимал губы каждой женщины меж своими губами с жадностью нежности, а левой рукой он слегка обнимал очередную женщину, чтобы она стояла устойчиво и не отклонилась от него, пока Дванов не перестанет касаться ее».

Вроде, по-Твардовскому, «Все понятно, все на русском языке». Но какие русские говорят и о какой своей жизни «шизиков»?

Доложу, такой язык всего романа «Чевенгур» не каждый читатель, наверное, мог осилить до конца. А у Яшина этот роман — седьмой по счету с «рассказами Николая Андреевича». Свет меркнет. Яшин, конечно, монументалист. У него Википедия в интернете трещит от количества научных и художественных произведений. У Платонова «Чевенгур» только один. Даже у Зощенко — небольшой объем рассказов языком быдла.

Порой автору романа приходится неестественно часто вставлять слово инженер. Не буду ловить блох — приводить примеры. Кроме одного — роман широко иллюстрирован фотографиями быта инженерной среды. Это не ради ретро, это скрепы содержания. Но и здесь приходилось исхитряться, в подрисовочных подписях. На-

пример, такой текст: «Инженеры 70—... Любительское фото. Вчера они получили дипломы лауреатов премии Комсомола за «изделие», а сегодня посланы на бетономешалку». Чувствуете, вчера — премию, а сегодня... XXI век.

Но вспомнился анекдот того времени. Два жулика ночью схватили прохожего:

— Снимай пальто!

— Отпустите! Мне больше не купить пальто,— взмолился мужчина.— Я получаю всего сто рублей.

— А кем ты работаешь? — спросил один жулик.— Инженером,— плачет мужчина.

— Ванька, дай этому инженеру сто рублей и отпусти,— засмеялся жулик. Вот этим романом Алексей Яшин и открывает, что представлял из себя инженер страны того времени. Я тоже получал, по первому образованию, 100 рублей.

Инженеры могли ответить в защиту от унижения ходячей фразой: «Зато мы делали ракеты».

Конечно, в памяти, помимо ракет, были и ГУЛАГи. Как о них не написать. Но как о них писать с иронией, когда тогда можно было за неосторожные слова получить срок. Вот как пишет Алексей Яшин.

Он использует небольшие послабления, которые были у самих работников КГБ, и то с осуждением: «Овцовский воскликнул: «Что бы там не сочинял Солженицын, которого закордонные «голоса» изо дня в день читают, но культурно-воспитательная работа в лагерях велась серьезно, что видно даже из инвентарного номера: только на букву «Н» авторов за тысячу томов». Даже в этом тексте удастся сказать о тысячах политзаключенных (если включить другие буквы). В Тулуповск наш герой «из Ленинграда же привозил отксеренную (был ксерокс?) или отфотографированную литературу, не поощряемую Главлитом; сочинения Солженицына, крикливых московских диссидентов с «именами», «Собачье сердце» и «Роковые яйца» Михаила Афанасьевича Булакова. Пытается автор объяснить, что такого в открытую не говорили. Якобы девочки смеются, что наш герой всю жизнь носил пистолет в кобуре на боку, от этого немного кривоват.

Еще одна характерная черта автора, о которой я не могу не сказать. Алексей Яшин педантичен во всем. В литературе это подтверждается отметкой прямоугольником каждого абзаца. Раньше отмечали цифрами. А если бы не держал все в строгом порядке, не написал бы столько произведений.

(Текст книги размещен на сайте <http://www.pz.tula.ru/>)

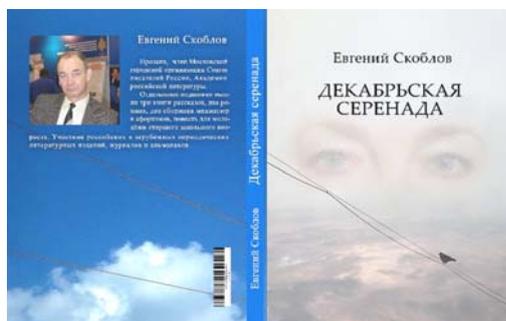

Валентина Гончарова
(г. Геленджик, Краснодарский край)

ЕВГЕНИЙ И ЕВГЕНИЯ*

На первый взгляд может показаться, что в недавно вышедшей книге Евгения Скоблова «Декабрьская серенада» читателю предлагается, по сути, разговор автора со «своим отражением в зеркале», попытка уловить беззвучное эхо «в мире пустоты», порой — пустыне, в плане искренних ответных чувств. Тем не менее, выстраивая концепцию повествования в виде отельных, сюжетно организованных глав-

посвящений, автор отыскивает некие «оазисы», где его монологи незаметно трансформируются в своеобразные диалоги о Любви. При этом путь его поиска-посвящения пролегает через глубокие размышления, исследования и воспоминания о женщинах, даривших в разные отрезки жизни любовь, или надежду на нее. Вязь отдельных историй составляет сюжет основного произведения книги, собственно, повести «Декабрьская серенада» (в книге есть еще несколько рассказов разных лет, посвященных теме взаимоотношений «мужчина — женщина»).

В поисках долгожданного счастья чуткая душа героя «Декабрьской серенады» (повествование идет от первого лица) всякий раз принимает очередную встречу за «ту самую»! Ну как же ей, душе-страннице, без поиска на Земле небесной гармонии, смутно помнящей чарующие чувства Любви и Света, Радости и Покоя, в которые она была погружена среди звезд?

Отвлекаясь от бесконечности многообразия мироздания (но имея его в уме), автор сфокусировал свой взгляд на *женщине*, «существе особом, удивительном, даже волшебном, сверхъестественном» (по Чарльзу Буковски). Согласимся: только состоявшийся мужчина может увидеть, а главное, оценить в женщине перечисленные качества. Эпиграф к повести-посвящению «Декабрьская серенада» объясняет всю суть повествования. Слова Альберта Эйнштейна: «Я нуждаюсь в том, чтобы любить кого-нибудь, иначе жизнь чересчур печальна. И этот кто-то — Вы» своеобразно продолжены во вступительной главе «Увертюра» словами героя, обращенными к Главной Героине произведения, «недосягаемой» Евгении Николаевне: *«Очень жаль, что среди этой плеяды Великих Женщин моей жизни... нет Вас, дорогая моя. Очень надеюсь, что ПОКА нет».*

По сути, Любовь — это единственный вариант спасения не только каждой души,

* Рецензия-отзыв на книгу Евгения Скоблова «ДЕКАБРЬСКАЯ СЕРЕНАДА» (романтические записки юного пенсионера). Повесть, рассказы: М. «Содружество СОВЛИТ», 2016.

но и человечества в целом. Эта мысль незримо прослеживается по ходу всего повествования. Автор, обладая природной глубиной ума, награжденный талантом, по интуиции, по таинству творческой искры, вышел на этот путь. Достоинством его можно отметить то, что пишет он о сложном ясно, с легкой иронией, местами — светлой печалью, с чувством меры. В самом многозначном названии «Серенада» подразумевается не только смысловые, литературные, но и музыкальные «мотивы». Евгений Скоблов, получивший в свое время музыкальное образование, любящий музыку и знающий ее, проявляет себя и как психолог, и как мыслитель-экзистенциалист, понимающий нюансы сердца человеческого, в частности, загадочного женского...

«Своих» женщин «...отношения с которыми выходили за рамки, скажем, дружеских, служебных и прочих-других», он представил нам «Великой Плеядой», указав на их особое место в благодарной душе... Доверительность, лаконизм, открытость и тонкий юмор стиля располагают к чтению с удовольствием. Мы ценим честность сквозь смущение, меру и такт автора, верим ему так же, как он доверяет своей загадочной и строгой Евгении Николаевне, и в общем, «*читательницам — любительницам земляничных полей высоко в небе*»... Непринужденность тона, без распушенности и фамильярности, скрытая шутка, строгость и подтянутость оптимального текста придают стилю автора доверительный тон: мы ценим его наблюдательность и пронизательность, верим и радуемся страницам, где женщина любима «в самом высоком смысле».

Герой повести, он же «автор посвящения» (в виде «*романтических записок юного пенсионера*») благодарен своей жене (она на страницах повести появляется лишь однажды), «невмешательству» которой он обязан своему творческому вдохновению, именно ее одухотворяющему все произведение влиянию, делающему повесть живой, дышащей лирикой, а не «сборником пустых мыслей». «*Без жены его (посвящения) не будет вообще*» — утверждает наш романтик, на миг показав читателю скрытую жемчужину из моря всепоглощающей фантазии, основанной на реалиях и воображении, подобно зеркальному отражению, притягивающему тайной непостижимого. Ведь это, скорее всего, благодаря ей автор выбрал тему женщины и любви, а не сюжеты, где звучала бы совсем иная музыка... Благодаря своему незатухающему чувству, автор умело подает нам психологические нюансы все новых и новых женских образов. Мужчина выбирает тему женщин, а не политики, денег и прочих «мужских радостей», опять-таки потому, что ищет продолжения своих чувств, их непрерывности, наделяя встречных женщин чертами единственной... Кто-то отвечает, чувствуя внимание, кто-то грубит, а кто-то вообще не может чувствовать... Эти все новые и новые встречи и формируют ткань новых историй, продиктованных жадной продолжения любви, верой в негасимость ее огня.

В главе «Первая любовь» наш герой в вагоне метро встречает девушку, поразительно похожую на его первую возлюбленную, в глубине времен, а точнее, в начале 1980-х годов. Семь минут реального времени в 201... году (за две остановки метро) пронесли его по дорогам юношеской симпатии к прекрасной девушке Елене тех дней... Эта она, живая — не фантом, ехала с ним сейчас в метро, ничуть не изменившаяся за тридцать с лишним лет... хотя такого просто не может быть! Вспомнилось, как терял голову от каждой встречи, а «*рубашка пахла ее духами и телом, и я ложился спать с ее именем на устах*». И была любовь, и было предложение выйти замуж, что, как оказалось, не входило в ее планы... И расстались, «как ничего и не было»... Трепетно относящийся к женщине, «прекрасной и загадочной», герой вдруг задается вопросом-открытием: «*Или это была не Любовь?*». Верим, как нелегко ему было это признать в море внезапно нахлынувших чувств от очень далеких и дорогих воспоминаний.

Глава «Музыкальная гостиная». Уже совсем иная девушка, Эльвира, музицирует на рояле. Сюита Баха, огонек свечи в подсвечнике на крышке инструмента, и ножка исполнительницы на педали. Красива и талантлива... Но слишком серьезна, чтобы стать привлекательной для «разборчивого жениха», опасаясь, что минуты светлого минора в юности могут разлиться в море печали в зрелые годы. Стараясь никого не обидеть, «потенциальный жених» (а именно в таком виде предстает перед нами Александр — главное действующее лицо истории), прощаясь, целует ручки Эльвире и ее маме, прихватывает с собой домашнее печенье, чтобы не «вызывать подозрений». Желанный жених уходит надолго... Но не от красоты и музыки, нет, он вежливо удаляется от преждевременного плена. А может быть и... «трусливо сматывается», как иногда говорят в народе. О, когда это было! Сладостные воспоминания, милые люди и нравы...

Три десятка лет разделяют ясный день жизни от сегодняшнего, из ряда вон выходящего, случая в столичном метро... (глава «Схватка»). Тоже женщина, тоже могла бы быть запечатлена совсем по-другому, но — увы! Это было редким потрясением и открытием слабого пола с уже совсем иной стороны. Бытописание знакомо литературе и не ново. Не скучно нам с этим автором потому, что он мыслит и анализирует, касается тайны в своих произведениях. Исподволь он готовит читателя к встрече с необычным через свои предчувствия.

...Поезд метро, то слишком медленно едет, то слишком долго стоит на станциях, потом *«тревожное предчувствие, что совсем скоро его маленький уют и маленькое личное пространство будут кем-то нарушены...»*. И... точно! Странная особа средних лет усаживается рядом, и сразу, видимо, чтобы не тратить времени даром, начинает скандалить. Для начала обзывает *«старым козлом»*, затем *«интеллигентом, что устроил избу-читальню в вагоне»* и т.д., и т.п. Клиника налицо! До неприличия низкий образ взбалмошной женщины опять-таки представляется нашим философом шутливо-иронично: *«Некоторые женщины преобразуются, когда начинают скандалить. Они становятся такими хорошенькими, привлекательными... просто обаяшками... просто наливными яблочками!»*

«Схватка» в метро завершилась, и мы переносимся в другую реальность. И вот здесь нисходит озарение, проливающее свет на очередной урок, связанный с духовным причинно-следственным законом. Автор называет свершившееся в метро *«возмездием»!* Выясняется, это была «расплата» за случившееся когда-то, далеко от Москвы, с ним. Тогда тридцать лет назад, «в глубинах древней Костромы» он в ювелирном магазине обидел даму «забальзаковского» возраста, назвав ее «старой»... На что та, виновато улыбаясь, ответила: «Вы тоже будете старым, молодой человек!» И исчезла... И вот через годы бумеранг вернулся в лице этой «метровско-московской» особы. *«Мысль эта вдруг принесла облегчение: «Может быть, Кострома простила меня, как я сейчас пытаюсь простить Москве? Может быть...»* А вечером, по дороге домой, он остановился у Храма и поблагодарил Бога за все! И за искупительную встречу в метро...

Отстрадал, покаялся, поблагодарил Бога и получил светлый подарок — повышенное внимание очень интересной сотрудницы — Гаянэ Владимировны, умницы и красавицы (глава «Дорогая Гаянэ Владимировна»). На мой взгляд, самый светлый и искренний реальный образ в повести (кроме жены, конечно). Дружба, поддержка и понимание, легкий прощальный поцелуй-подарок — случайностей не бывает... Симпатии-антипатии... в женском окружении, ну как без этого? Главка на полторы странички мастерски отражает бездну знаний женской психологии. Находится место и тонкой лирике в этой, казалось бы, выхоленной, чиновничьей среде.

На рабочем совещании двое «заговорщиков» (он и она) затеяли «игру в пригляд-

ки» (глава «Важное заседание или игра в приглядочки»). Наш «юный пенсионер» оказывается напротив предмета своего обожания — Евгении Николаевны — за большим офисным столом. Начинаются, скрытые от понимания других участников заседания, остроумные послы «приглядочек», эдакий молчаливый диалог через воображаемую телепатическую связь... Лирически изящная, глубоко человеческая и даже немного печальная картинка.

Хотелось бы отметить, что в целом «Декабрьская серенада» — это не только романтические записки о любви и посвящение Женщине. Это во многом жизнеописание, попытка осмысления современной действительности. Впрочем, автору эта попытка удается легко, с тонким юмором, иронией, часто самоиронией. Тема «дураков» (в главах «Литературное собрание», «Дымов на тропе войны», «Старые дачные дела», «Вечер в сбербанке») соприкасается с любовной лирикой романтическим рамочным обрамлением. Это тонкопсихологические истории, изложенные на приеме контраста, делающего повествование увлекательным и объемным. Тем не менее, и здесь автор стремится передать свою мысль читателю сквозь призму общей канвы «романтических записок».

«Тем более, какой-то мерзавец резко распахнул дверь конференц-зала за Вашей спиной, и едва не зацепил Вас. Наверное, следовало бы дать ему в морду, но я вовремя разобрался, что это наш сотрудник и хороший знакомый Крючков, и он не знал, что мы с Вами молчим по эту сторону двери. Поэтому я просто... осмелился поглядеть Вас по спине оберегающим жестом. Мне, знаете ли, вдруг захотелось прикоснуться к Вам... И если я что-нибудь сделал, подумал, или хотел сделать не так, то прошу прощения. На коленях, конечно же!»

В главе «Запасной игрок», в итоге философско-житейских размышлений о сути взаимоотношений между мужчиной и женщиной, читатель ловит признание: *«Теперь я навсегда в основном составе. Примерный муж, любимый папа и все такое...»* (выделенное мной) — штрих, свойственный манере автора, избегающего пафоса, укрывающего за легкостью разговорного языка, по сути, философские глубины, ощущения тайны в жизни, которые автор изящно доносит до нас. Да, он часто оказывался, образно говоря, «запасным игроком» в различные периоды жизни и в разных ситуациях, но всегда был способен *«выйти на замену в трудную минуту на поле жизни и забить решающий гол»*.

О странных сущностях женского рода, живущих для того, *«чтобы портить вещи, образ мышления, в конце концов, жизнь другим людям, оставаясь при этом безнаказанными»* — рассказывается в очень короткой истории-главе «Тертые пластинки». Да, конечно, все может начаться с невинной детской болтовни в подъезде. Особенно, когда помыслы не очень чисты. Впрочем, не только женщины, но порой и мужчины способны на мелкие «пакости», хотя тут уже хотя бы проявлена мотивация: собственный интерес. В главе «Молодость» надо отметить четкую нравственную позицию автора, который утверждает, что в большинстве ошибок молодости, пусть и исходящих из чистоты, неопытности и максимализма, человек все-таки виноват сам. Один студент хотел познакомиться с понравившейся девушкой («с параллельного потока»), но... «поделился с другом» и узнал от него, что *«она же дура!»*. Причем это мнение не самого «друга», а еще одного их общего знакомого, который так некрасиво отозвался о человеке за его спиной. В итоге с девушкой не познакомился, поссорился с другом и «вычеркнул из друзей», как сейчас принято говорить, того самого общего знакомого...

Совершенно иное дело глава «Любовь нас выбирает». «Воспоминания» о похождениях, любовных приключениях молодости преподнесены с легкостью и даже удовольствием. Автор представляет их историями любви молодого мужчины, находящегося

в поисках гармонии бытия... «Благородный рыцарь», но, что называется, хулиганистый и с юморком — не иначе! Идеальный любовник, который даже не ревнует, когда жизнь показывает ему соперников. Нет, конечно, (мысленно обращается он к милой, но «строгой» Евгении Николаевне), это была совсем не Любовь, а *просто любовь*, так необходимая растущему мужскому инстинкту, который здоров от природы... Да и «его женщинам» с ним хорошо. Они не ищут его и не плачут после его ухода. Любовь без страданий и привязанностей — мечта среднего человека, живущего одним днем. Но не станем продолжать эту тему, тем более на современном фоне... Главное, само отношение мужчины, идеализирующего женщин (в целом) и поднимающего их на высоту своего светлого чувства благодарности и преклонения. Милосердному да воздастся сторицей! А еще — умеющему любить, вопреки...

Глава «Насыщенный день» тому подтверждение. Категория времени здесь обыгрывается с редкостным свойством у мужчин — участием и сопереживанием. Конечно, у нашего героя нет «личного биографа»... Но если бы он был, то этот день был бы вписан красными чернилами в дневник жизни. Встречи с множеством женщин в пределах «одного рабочего дня», бывших в разное время его «гражданскими» женами, и оказание маленькой, но необходимой помощи каждой... Фантазия, конечно, но браво, автор!

В главе «Старые дачные дела» мы узнаем о «маленьких дачных радостях и недоразумениях», где разные люди, с разными подходами к пониманию мира и его содержания, вынуждены сталкиваться и раздражать друг друга до того момента, когда любые встречи становятся невозможными!

После женских портретов, от юных до самых почтенных, с гаммой их характеров на полную октаву, в диапазон автора вступают мужчины (глава «Дымов на тропе войны»). Чинцов, Дымов и Балбес — забавный мужской лабиринт, и путь в нем показан остроумно, наблюдательно, психологично... Мастер, одним словом, наш автор! Окончание главы звучит как вердикт:

«Ну, и где же здесь романтика?» — спросите Вы.

«Здесь ее нет. Нет женщин, нет романтики», — отвечаю я.

«Мужская» тема продолжена в главах «Ориентир — башня» и «Вас вызывает Пиф», где также психологически-нравственная канва делает повествование глубоким и осмысленным. При этом автор часто прибегает к афористичной манере изложения: *«Радость стоит печали, и наоборот», «Ждем одно, получаем другое. Надеемся на хорошее, происходит нечто невразумительно-среднее между «плохо» и «очень плохо». Ожидаем Любовь, а приходит, в лучшем случае, лишь видимость...»*

Но... Любовь — есть! Поверили мы тому или нет, дело каждого. Все точки над «і» ставит последняя глава. *«Так что, только Вы, глубокоуважаемая Евгения Николаевна!»*

В искусстве и литературе сюжеты о любви — одни из самых актуальных и востребованных. В заключительной главе писатель Евгений Скоблов вспоминает о том, как *«один из его читателей поинтересовался, а почему, собственно, я не пишу о любви? И в самом деле, почему, подумал я»*. И продолжил в своей загадочно-ироничной манере: *«А может быть я действительно еще толком не написал ничего стоящего на эту, безусловно волнующую большинство женщин и мужчин, тему? Или почти большинство из тех, кто вообще что-то читает»*.

Ирония автора по поводу нравов современного общества вполне уместна и многое определяет в тематическом выборе приоритетов. «Перец и соль», то бишь, юмор и сатира, составляют основной фон многих его произведений. Он честен в этом выборе перед собой и читателем. Он естественен и правдив, описывая странствия доброго посланника, затерявшегося в двух последних веках, в лабиринтах серых дней одной из столиц планеты Земля. Без лишнего пафоса и назиданий он обнажает хро-

нические недуги обывателя, дрящущиеся с незапамятных времен в человеческом роде, в дне сегодняшнем. Справляется с этим писатель мягко, ненавязчиво. Будучи добрым по натуре человеком, благородным и немногословным, он умело обходит острые углы социальных проблем, без надрыва, с мягким юмором, часто междустрочным, потому и особо ценным. Кроме того, ценность повествования и в размышлениях автора, актуальных и мудрых, преподнесенных с юмором и теплотой — интеллигентно, хорошим русским языком, исчезающим сегодня катастрофически...

«Декабрьская серенада» — «концептуальная» повесть-посвящение, необычна по композиции и замыслу. На мой взгляд, автор сознательно прячет «самое заветное» и потому «настоящий роман о любви», о котором идет речь в последней главе, может быть им написан только в Далёком Будущем. А пока, это лишь «романтические записки юного пенсионера»...

В заключение хотелось бы сказать, что книги Евгения Скоблова ждут своего глубокого исследования, читать их легко и интересно, они наполнены глубокими подтекстами, несмотря на кажущуюся легкость сюжета и стиля...

ЕСЛИ ТЫ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ, ТО ЗАЧЕМ ТЫ?

Интервью с Эдуардом Георгиевским

Окончил Московский медицинский институт. С 1966 по 1970 год работал врачом на острове Сахалин, а затем тридцать пять лет в Тульской областной больнице. Заслуженный врач РФ. Автор нескольких поэтических и прозаических сборников.

Публиковался в альманахах «Тула», «День тульской поэзии», в сборнике «Иван-озеро», в межрегиональном литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Основатель, составитель и главный редактор литературного альманаха «На крыльях Пегаса». Награжден медалью «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля». Член Союза писателей России и Международного сообщества писательских союзов

— Эдуард Павлович, во-первых, разрешите поздравить Вас с юбилеем и пожелать Вам крепкого здоровья, семейного благополучия и творческих успехов. За Вашими плечами большая жизнь. Что более всего в ней запомнилось?

— Спасибо за поздравление, за память обо мне, ведь прошло немало времени с того первого интервью. Моя память хранит, как мне кажется, много интересного, всего и не скажешь в коротком интервью. Но более всего мне помнится начало моей деятельности как врача в городе Углегорске Сахалинской области, куда я был направлен после окончания 1-го Московского мединститута в 1966 году. Правильно было бы сказать не «направлен», а прибыл по собственному желанию, т.к. природа острова Сахалин давно меня как туриста привлекала. Я добился направления. Помню свое первое дежурство в больнице, своего первого больного, которого удалось спасти. Кстати говоря, этот «сахалинский» период описан в моей автобиографической повести «Своя стезя», которая вышла с дополнительным тиражом в 200 экз. в 2012 году. В памяти остались события, которые нельзя забыть,— это присвоение звания «Заслуженный врач РФ» и вручение билета члена Союза писателей России. Ну и, конечно, моя первая книга стихов « Мне по душе невиданный простор».

— Вы всю жизнь служили медицине и литературе. А вставал ли когда вопрос: Быть или не быть? То есть, служить или не служить? И довольны ли Вы тем, что сделали как в медицине, так и в литературе?

— Просто работать за деньги легко человека научить — в институтах можно подготовить достаточно грамотных специалистов, будь то учитель, инженер или врач. Для того и существуют в обществе, государстве высшие учебные заведения. Но мне думается, что становятся лучшими те, кто нашел себя в каком — либо деле, т.е. пошел учиться по велению души и сердца, одним словом, по призванию. Правда, известно немало случаев, когда человек окончил один институт или даже два, становится в жизни совсем другим специалистом в прямом смысле этого слова. Я это объ-

ясняю тем, что природа человека берет свое, и это я называю счастьем, когда человек с гордостью говорит, что это дело — «мое». А на вторую часть вопроса я ответил выше.

— *В прошлом нашем с Вами интервью Вы говорили, цитирую: — Мое глубокое убеждение, что недалеко то время, когда люди будут страдать от накопленного богатства. Быть богатым станет не модным. И тогда на первое место опять выйдет духовное развитие личности. Сейчас духовность оттеснена. Думаю, временно. Она опять восторжествует. Вот тогда и появятся новые отечественные гиганты мысли и слова. Прошло пять лет, изменилось ли Ваше мнение по этому вопросу?*

— Наоборот, еще более укрепились. Вы посмотрите, в какое время мы живем. И в каком обществе. В обществе потребления. Это означает, что на первом месте еда и одежда, а духовное развитие — не обязательно. Откуда берутся бездушные люди, становится понятным. Еще когда Максим Горький говорил: «Если ты не за себя, то кто за тебя?..» Этим самым он подчеркивал, что личность должна быть самостоятельной. Но далее он продолжал: «Но если ты только за себя, то зачем ты?». А этим он подчеркивал социальную значимость личности, которая, понятно, не должна быть эгоистом, а должна вмещать в себя сопереживание, сострадание, сочувствие и т.д., т.е. личность — это когда человек одухотворенный. Отсюда слова — оценки: душевный человек, добрый человек, душа-человек.

— *Вы не один год являетесь заместителем руководителя литературного объединения «Пегас». В 2016 году, кстати, в Год литературы, тульские писатели лишились своего здания — Дома творчества на Каминского, в котором Вы не один год проводили занятия с пегасовцами. Как сегодня обстоят дела, занятия проводятся?*

— Более 3 мес. назад из писательской организации было направлено письмо министру культуры Тульской области с просьбой предложить помещение для дальнейшего существования областного литературного объединения «Пегас» при писательской организации. До сих пор никакого ответа не получено. Я думаю, что не случайно министерство культуры и образования было переименовано в министерство культуры и туризма. Дело в том, что все усилия это министерство тратит на развитие туризма. Дело нужное, но зачем же культуру забывать. Кстати говоря, слово «культура» первоначально означало «воспитание», но потом трансформировалось в «образование». Так зачем же о нем забывать. Разве работа министерства заключается только в том, чтобы разъезжать по районам области и вручать почетные грамоты и благодарственные письма? Постепенное вымывание духовности и культуры — это прямой путь к вырождению нации и государства. Тот факт, что писательская организация и областное литературное объединение «Пегас» при ней лишились Дома творчества да еще в Год литературы, говорит о том, что министерству на все наплевать. Иначе сказать нельзя.

— *Недавно вышел очередной номер альманаха «Пегас». Вы его бессменный руководитель и составитель. Но ведь эта работа отнимает много времени, за которое Вы, может быть, написали бы новую повесть или прекрасные стихи. Вам времени не жалко?*

— Жалко, конечно. Я все никак не начну вторую книгу повести «Своя стезя». Первая книга была, проще говоря, про медицину, а вторая — по моему замыслу — про литературу. Судьба распорядилась так, что я существовал в одной ипостаси (врач), а сейчас существую в другой — как писатель. Однако наш альманах «На крыльях «Пегаса» и «Пегасик» как приложение к нему — тоже интересная работа для меня как главного редактора. Ведь через меня проходят рукописи 35—40 авторов

каждого номера. Я читаю их тексты, иногда правлю их с согласия автора. Эта работа мне многое дает. Подход дифференцированный — кому-то надо помочь, кого-то по-критиковать. Как правило, мы находим консенсус. Ведь главная задача этих изданий — популяризация творчества членов областного литературного объединения «Пегас» при тульской писательской организации.

— *В наше сегодняшнее коммерческое время каждый желающий может за свой счет издать книги, а затем требовать приема в Союз писателей. Не кажется ли Вам, что сегодня в литературе торжество тех, кто хочет быть писателем, а не тех, кто может?*

— В наше время можно напечатать за свой счет сколько угодно и чего угодно. Все-таки я глубоко верю, что правда всегда побеждает ложь. Правда, на это уходит иногда много времени, но как иначе. Правдой, верой жив человек. Как говорит русская пословица, «Шила в мешке не утаишь». Рано или поздно (вот, что значит фактор времени!) становится известно, кто есть кто. Так называемые «успешные» писатели, чьи книги выходят тиражом 40—50 тысяч экземпляров, все это — пена, которую унесет ветер или она сама канет в Лету. Все-таки классика есть классика, а все эти «фэн-тези» не что иное, как забавное чтиво, но не литература. Задача истиной литературы — воспитывать (а в последующем и подпитывать) в человеке чувства добра и справедливости, наполнять душу светлыми мыслями, оптимизмом, верой в светлое будущее. В Союз писателей приходят люди добровольно, по зову души и сердца, кто считает это делом всей своей жизни, люди безусловно творческие, в ком зажглась искра Божия. Вот они и являются движущей силой, а «временщики» или становятся графоманами, или «исписываются».

— *Сейчас в литературных СМИ часто поднимается вопрос о смене руководителя Союза писателей России. Многие тульские писатели говорят, что сегодня и в Туле назрела такая же необходимость. Кто сегодня, на Ваш взгляд, должен возглавить писательское сообщество — гений слова, человек с писательским именем, или человек, скажем так, в литературе малоталантливый, но задушевный вдохновитель и организатор литературного процесса?*

— Безусловно, ротация кадров — это естественный процесс. Не надо только ломать через колено. Что касается нашей писательской организации, то откровенно скажу, что если бы не Пахомов Виктор Федорович, писатель широко известный в России, то наша организация давно бы самораспустилась в период с лихих девяностых до наших дней. Несмотря на трудности, Пахомов В. Ф. сумел не только сохранить писательскую организацию, но и преумножить ее работоспособность. За 20 с лишним лет было написано много новых книг поэтами и прозаиками, проводились встречи писателей со студентами, военнослужащими, были выезды в районы области для встреч с читателями и т.д., т.п. И все это в критическое для страны время и на общественных началах. Я хорошо помню, что для того, чтобы поощрить меня за активную работу в писательской организации мне приходилось самому покупать бланк Почетной грамоты, из собственных средств оплачивался телефон — таково было безденежье организации. А нужного внимания со стороны администрации области как не было, так и нет до сего времени. В этой связи хочется повториться, что даже в Год литературы писатели лишились своего Дома творчества. Спрашивается: «За что?». На мой взгляд, в нашей стране идет ползучий процесс вымывания духовности, расплывается деятельность так называемой «мягкой силы». Наше гражданское общество еще не созрело. Если к этому добавить то время, в котором мы живем, то получается, что нынче в «моде» преуспевающие. Есть действительно преуспевающие, но они любят свою родину, и ими гордится она. А есть люди, которым хочется «поругать». Как правило, все они администраторы с билетом члена Союза писателей в

кармане. Во времена Толстого, Тургенева и других не было никаких союзов писателей. Но были гении от матушки — природы. И они стали классикой, примером для подражания. А сейчас все хотят руководить, стать чиновниками. Именно чинуши не дают свободно дышать в России. Руководителем организации писателей должен быть человек с литературным именем и большим опытом общения с писателями. Его задача — передать накопленный опыт молодым писателям, подготовить достойную замену себе. Он должен определить кандидата на руководителя и предложить его писательской организации, но ни в коем случае не навязывание сверху. Все решает собрание — высший руководящий орган. Это и есть настоящая ротация, так сохраняется преемственность, так сохраняется писательская организация.

— *В одном из интервью Вы говорили: — Какое время, такие и песни. Сегодня одни ругают наше время, а другие восхваляют. Вы с кем — с первыми или вторыми?*

— Мне думается, что наше время это своеобразный переходный период. Фифти-фифти: много позитива и не меньше негатива. Идет атака на классический добротный консерватизм по всем фронтам литературы и искусства. Хочется чего-то новенького, а чего — никто определенно не знает. Пробуются какие-то варианты, которые, оказывается, не годятся, тогда выдвигаются новые и т.д. Это какой-то период экспериментов, который отодвигает здоровый консерватизм все дальше и дальше от человека. К чему приведет этот переходный период, никто не может сказать. На мой взгляд, мы опять вернемся к классике, жаль только потерянного времени. Во главе угла деятельности писателя всегда был человек с его сильными сторонами и слабостями. Сильных людей восхваляют, слабых поддерживают. Это так всегда было на Руси. Но если человека еще обижают и власть, особенно на местах, то писатель становится на сторону обиженного, но это нельзя назвать противостоянием. В демократическом обществе справедливая, здоровая критика должна приветствоваться, поддерживаться, а иначе как быть в гуще народа, для чего тогда Народный фронт.

— *Над чем сейчас работаете?*

— В моих планах в этом году издать альбом песен с нотами на мои стихи под названием «От сердца к сердцу - 2», выпустить очередной диск песен на мои стихи и, наконец, написать несколько глав второй книги повести «Своя стезя».

— *Чтобы Вы, Эдуард Павлович, пожелали молодому поколению?*

— Молодым везде у нас дорога. Только надо правильно выбрать дорогу, свою стезю. Пусть каждый идет своей дорогой, не забывая при этом слова А. М. Горького, повторюсь: «Если ты не за себя, то кто за тебя? Но если ты только за себя, то зачем ты?»

*Геннадий Маркин,
член Союза писателей России,
г. Щекино*

